

УДК 81'2
DOI 10.52452/19931778_2024_6_247

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ЯЗЫКАХ С РАЗЛИЧНОЙ СТРУКТУРОЙ

© 2024 г.

Э.В. Маремукова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик

elleonora16@mail.ru

Поступила в редакцию 22.01.2024

Статья посвящена компаративному исследованию специфики лингвистической фиксации этностереотипной информации в терминологии родственных связей в разноструктурных языках. Изучение типичных моделей стереотипизации в разных культурах и их манифестация в языке содействуют пониманию сигнификативных человеческих знаний о себе и своем поведении в обществе в историческом и социокультурном аспектах. Проведенное комплексное исследование материала разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков с применением методов лексико-семантического, структурного и лингвокультурного анализа позволило выявить примеры культурной обусловленности лингвистических стереотипов, особенности экспликации отношений родства, сложившихся в историческом разрезе, а также закрепленные за ними аксиологические данные, составляющие национально-культурное своеобразие народов. Введение в научный оборот нового языкового материала содействует дальнейшим исследованиям в лингвокультурологии.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, стереотипизация, этностереотипная информация, термины родства, лингвистическая объективация.

Термины родства как особый пласт лексики

Исследователями отмечается безграничность способов рефлексии различными народами единого для всех окружающего мира. Разнообразны структуры социальных групп, создаваемые кажущимися на первый взгляд одинаковыми людьми, что обусловлено бесчисленными обычаями, верованиями и моделями поведения, принятыми внутри данных групп людей.

Лексика языка отражает историю, традиции, быт, мысли, накопленный опыт, знания народа об окружающей действительности.

Термины родства представляют собой интерес как группа слов, проецирующая родственные отношения и связи, сложившиеся в народе в историческом разрезе, а также закрепленные за ними аксиологические данные. Отношения, основанные на крови или браке, могут быть близкими или дальними. Узы крови или брака, объединяющие людей в группу, называются родством.

Родство является одним из основных организующих принципов общества. Это один из главных социальных институтов, существующих в каждом обществе. Этот институт устанавливает отношения между отдельными людьми и группами. Люди во всех обществах связаны между собой различными видами связей. Самые основные связи – это те, которые основаны на браке и воспроизводстве.

Термины родства – это уникальные терминологические системы, которые используются для обозначения групп в обществе, в котором человек родился. Различные общества и культуры группируют своих родственников в весьма разное и неопределенное количество классификаций. Это не просто номенклатурная система родственных отношений, признаваемых в конкретном обществе, поскольку она выражает как организацию, так и концептуальные взаимоотношения между родственными отношениями, составляющими терминологию родства.

В обществе для обозначения одних и тех же родственных отношений может использоваться несколько терминов, при этом форма слова варьируется в зависимости от аспекта отношений между говорящим и слушателем, идентифицируемого термином обращения. Использование адресного термина предполагает, что вовлеченные стороны знают о родственных отношениях между ними.

Терминология родства состоит из терминов, используемых для обозначения культурно признанных родственных отношений между людьми, выступающих ярким примером культурной обусловленности лингвистических стереотипов. К примеру, в языках коренных народов Австралии существуют системы терминологии родства, которые являются общими для большей части континента и сильно отличаются от систем европейских языков. Например, они обычно проводят различие между старшими и млад-

шими братьями и сестрами, между детьми матери и отца, между дядями и тетями со стороны матери и отца, между бабушками и дедушками по материнской и отцовской линии. С другой стороны, некоторые отношения терминологически не различаются: например, родитель и его однополые братья или сестры или братья, сестры и параллельные двоюродные братья. Еще одна характеристика австралийской родственной терминологии – взаимное использование некоторых терминов: один и тот же термин может обозначать дедушку, бабушку и внуков.

Язык индейцев яномамо в Бразилии объединяет различных родственников в одно понятие: к примеру, используется один и тот же термин для всех кузенов и братьев мужа или жены; имеет место унификация братьев и некоторых кузенов без различий между родными братьями и сыновьями брата отца или сестры матери. С другой стороны, для яномамо английский язык может казаться неясным из-за использования всего лишь одного термина «cousin», объединяющего не менее четырех различных групп родственников: дочь брата отца или сестры матери, сын брата отца или сестры матери, дочь брата матери или сестры отца и сын брата матери или сестры отца. Встречаются и более непривычные наименования родственных связей, в которых одно и то же понятие используется для обозначения родного отца и некоторых кузенов (сыновей сестры отца). Все эти способы различения родственников имеют свою внутреннюю логику и согласованность, однако они радикально отличаются от категорий большинства европейских языков [1, с. 97].

По своему значению, происхождению и устойчивости термины, обозначающие родственные отношения, представляются одним из важнейших пластов лексики.

Термины родства различаются от одного общества к другому не только из-за языковых несоответствий, но и из-за культурных дивергенций в значениях, содержании, структуре и организации родственных отношений, выраженных лингвистически.

Научное изучение терминологии родственных отношений

Вопросы терминологии родства исследованы в ряде научных трудов Л.Г. Моргана [2; 3], Б. Дельбрюка [4], Э. Бенвениста [5], П.А. Лавровского [6], О.Н. Трубачева [7], В.И. Даля [8] и др.

Исследователями отмечена сложность функциональной семантики терминов родства (Багичева [9], Бурыкин, Попов [10], Зыкова [11], Кирилина [12] и др.), а также тенденция к сокра-

щению их числа (Дзибель [13], Казаченко [14], Николенко [15], Сумникова [16] и др.).

Льюис Генри Морган [2] разработал до сих пор используемую номенклатуру для двух широких категорий терминов родства, а именно классификационную и описательную системы.

Систематическое изучение терминологии родства Морганом началось с его интереса к терминологии индейцев сенека (ирокезов), поскольку в их терминологии различия родства не имели очевидной генеалогической основы. Модель сенеки, включающая как линейные, так и побочные генеалогические отношения в один и тот же родственный термин, побудила его называть терминологии, которые систематически включали побочные генеалогические отношения, классификационными, а термины, отличающие линейные от побочных генеалогических отношений, описательными.

Согласно исследованию Моргана, описательная и классификационная терминология имеет три различных значения. Во-первых, разница лексическая. Классификационная терминология состоит только из простых фраз, под которые классифицируются многие генеалогические родственники, близкие и дальние, тогда как описательная терминология включает набор основных терминов для обозначения близких родственников, и эти основные термины порождают сложные или фразовые термины для обозначения более дальних родственников. В классификационных системах генеалогические узлы аккумулируются в небольшое число крупных классов, тогда как в описательных системах в терминологии выделяются узлы генеалогических деревьев. В-третьих, контраст несет в себе ощущение разброса кровных линий. В классификационных системах несколько боковых линий, близких и отдаленных, сливаются в линейный ряд, тем самым теоретически, если не практически, предотвращая рассредоточение крови. При этом описательная система имеет побочные направления, отчетливые и постоянно расходящиеся с линейным, что приводит как теоретически, так и практически к рассеиванию крови.

Число обществ с описательной терминологической системой родства меньше, чем с классификационной системой. В этом типе системы родства термины, обозначающие кровное родство, отличаются от терминов, обозначающих побочные линии.

Морган предполагал, что родственные отношения определяются посредством деторождения и брака. Разделение на кровнородственных и родственных членов с деторождением и браком, лежащим в основе контраста, привело к обширным спорам относительно того, что в культурном отношении понимается под родством и родственными отношениями. Много-

численные этнографы отмечали, что родство и родственные отношения гораздо шире и богаче того, что подразумевается под предположением о том, что родственные отношения создаются посредством деторождения. Во многих обществах родственные отношения могут устанавливаться по критериям, отличным от деторождения и брака, включая усыновление, отношения крестных родителей и родство посредством вскармливания, отношения по традиции давать или получать имя, совместное проживание и т.д. Впоследствии антропологи в целом предположили, что термины родства – это лингвистические обозначения категорий генеалогических отношений, определяемых посредством деторождения в культурном понимании.

Ранние теории родства расширили двухчастную типологию Моргана, кульминацией которой стала обширная сравнительная работа Джорджа Питера Мердока [17], которая привела к шестичастной типологии, до сих пор широко используемой и основанной на общих генеалогических особенностях.

Корпус терминов родства, составляющих терминологию родства, обычно разделяется аналитически на две части: термины кровного родства, основанные на предположении, что первичные отношения родства определяются посредством биологического продолжения рода (следовательно, родственные отношения называются кровными родственниками), и аффинальные – термины родства, обозначающие родственные отношения, определяемые браком.

А. Вежбицкая предполагает, что термины родства, специфичные для одного языка, могут быть определены на основе нескольких основных терминов родства, лексикализованных более или менее универсально: «отец», «мать», «муж» и «жена». Это предложение является частью более широкой программы по сбору коллекции универсальных семантических примитивов, которые могут служить строительными блоками для определения специфичных для культуры слов и понятий [18].

В связи с тем, что в терминологии родства зафиксированы исторически сложившиеся правила определения родственных отношений, научное лингвокультурное исследование терминов родства имеет важное значение для выявления специфики языковой объективации структуры родственных отношений у различных народов.

Этностереотипная специфика терминов родства

К терминам родства относятся слова, обозначающие лиц по их кровнородственным отношениям и связям – по родству: отец (адэ, father), мать (анэ, mother), сын (кьуэ, son), дочь

(пхьу, daughter), дед (адэшхуэ, grandfather), прадед (адэшхуэм и адэ, great-grandfather), прапрадед (адэшхуэм и адэм и адэ, great-great-grandfather), прабабушка (анэшхуэм и анэ, great-grandmother), прапрабабушка (анэшхуэм и анэм и анэ, great-great-grandmother), внук (кьуэ-рыльху/пхьурыльху, grandson), правнук (кьуэ-рыльхум и кьуэ/пхьурыльхум и кьуэ, great-grandson), внучка (кьуэрыльху/пхьурыльху, granddaughter), правнучка (кьуэрыльхум ипхьу/пхьурыльхум ипхьу, great granddaughter), брат (кьуэш/дэльху, brother), сестра (шыпхьу, sister), дядя (адэкьуэш/анэдэльху, uncle), тетя (адэшпыпхьу/анэшпыпхьу, aunt), племянник (адэкьуэшым и кьуэ/анэдэльхум и кьуэ, cousin), племянница (адэкьуэшым ипхьу/анэдэльхум ипхьу, cousin). Сюда относят и такие слова, как родители (адэ-анэ, (сы/у/ды/фы)кьэзыльхуахэр, parents), дети (бынхэр, children), потомок (щІэблэ, descendant/offspring), предок (кьэзытекІар, ancestor).

Термины свойства обозначают лиц по их отношениям, возникающим в результате брачного союза: зять (мальхэ, son-in-law/brother-in-law), сноха (невестка) (нысэ, daughter-in-law/sister-in-law), тесть (щыкьуадэ, father-in-law), теща (щыкьуанэ, mother-in-law), шури́н (щыкьу шІалэ, brother-in-law), свояченица (щыкьу хьыджэбз, sister-in-law), свекор (тхэмадэ, father-in-law), свекровь (гуашэ, mother-in-law), деверь (пщыкьуэ, brother-in-law), золовка (пщыпхьу, sister-in-law) и другие.

При лингвистической объективации отношений, возникающих в результате брачного союза, в английском языке эксплицируется их «законность», указание на которое содержится в каждом термине данной категории слов: son-in-law, daughter-in-law, brother-in-law, sister-in-law, mother-in-law, father-in-law, «my in-laws» (мои родственники со стороны супруга (супруги)).

Разграничения со стороны мужа или жены при обозначении их родственников в английском языке не представляют культурную принципиальность по сравнению с русским и кабардино-черкесским языками, в которых наблюдается диаметрально противоположная картина: зять – деверь: мальхэ – пщыкьуэ (brother-in-law); сноха (невестка) – свояченица: нысэ (для всех членов новой семьи) – щыкьу хьыджэбз (daughter-in-law, sister-in-law); тесть – свекор: щыкьуадэ – тхэмадэ (father-in-law); теща – свекровь: щыкьуанэ – гуашэ (mother-in-law); золовка – свояченица: пщыпхьу – щыкьу хьыджэбз (sister-in-law).

К терминам свойства относятся также слова, называющие лиц по отношениям, возникающим между одним супругом и детьми от другого

брака другого супруга: отчим (мыльхуадэ, stepfather), мачеха (анэнэпIэс, stepmother), пасынок (мыльхукъуэ, stepson), падчерица (мыльхупхъу, stepdaughter). В кабардино-черкесском языке, в отличие от русского и английского языков, лингвокультурную фиксацию получает кровное родство посредством элемента «лъху» (корневая основа со значением родов, рождения).

Особое звено между терминами родства и терминами свойства занимают названия супругов по отношению друг к другу (муж/супруг (щхьэгъусэ/разг. лъы, husband), жена (щхьэгъусэ/разг. фыз, wife)), а также обозначения лиц, вступающих в брак (жених (псэлъыхъу, groom), невеста (къэшэн, bride)).

Эквивалентом терминов «муж, супруг» (husband) и «жена, супруга» (wife) в кабардино-черкесском языке является «щхьэгъусэ», имеющий коннотацию «вместе с головой, спутник (спутница) головы»: щхьэ (голова) – гъусэ (спутник, вместе). Термин «псэлъыхъу» (букв. «ищущий душу (родственную)» (псэ – душа + лъыхъу (искать)) имеет лингвокультурную коннотацию «искатель родственной души» и обозначает мужчину, подбирающего себе невесту, в то время как «къэшэн» (невеста) заключает в себе кабардино-черкесскую культурную традицию приводить невесту в свой дом: къэ – направительный преверб со значением «сюда» + шэ (вез(с)ти + н (суффикс инфинитива)).

Исследователями отмечены оценочные компоненты негативного содержания в фольклорных текстах русского языка в отношении терминов «свекор», «свекровь», «тесть», «теща», «отчим», «мачеха». При этом в языке наблюдается тенденция замены указанных слов описательными сочетаниями слов, лишенными какой-либо оценочности. Термины дальнего родства и свойства постепенно выходят из употребления, а в словарях обозначаются как устаревшие [10].

Лингвокультурная специфика кабардино-черкесского языка проявляется в разделении категории «внуки/внучки» (grandchildren) на группы «рожденные сыном» (къуэрылъху: къуэ (сын) + лъху (родиться, рождение, роды)) и «рожденные дочерью» (пхъурылъху: пхъу (дочь) + лъху (родиться, рождение, роды)). При этом отсутствует гендерная маркировка, имеющая место в русском языке: внук – мужского рода, внучка – женского рода, в то время как «къуэрылъху» и «пхъурылъху» не содержат указания на гендерную принадлежность обозначаемых лиц, несмотря на то, что данное обстоятельство культурно сигнификативно для наименований родителей этих лиц: (къуэрылъху

– сын или дочь сына), (пхъурылъху – сын или дочь дочери).

Подобная специфика мышления запечатлена и в обозначениях «брат» (brother), «дядя» (uncle), «тетя» (aunt), коннотация которых гендерно детерминирована: къуэш (брат лица мужского пола), однако «шыпхъу» (сестра – без указания на гендерную принадлежность лица, выступающего референтом); адэкъуэш (брат отца), адэшыпхъу (сестра отца). Таким образом, в кабардино-черкесской терминологии культурно различают брата по отношению к мужчине и женщине (къуэш – брат лица мужского пола; дэльху – брат лица женского пола), в то время как термин «сестра» (шыпхъу) универсален для обоих лиц.

Лингвокультурной чертой русского и кабардино-черкесского языков является употребление терминов родства по отношению к людям, не являющимся родственниками: внучок, сынок, мать, си къуэ цIыкIу (сынок), ди анэ (наша мать), ди адэ (наш отец), ди шыпхъу (наша сестра), къуэш (брат).

Английский язык подобное использование терминов родства демонстрирует преимущественно в религиозной среде: son (сын), daughter (дочь), brother (брат), sister (сестра).

В русском языке наблюдается использование терминов родства в качестве междометий: мама, мамочки, батюшки, батеньки [19].

Анализ функционирования лексических единиц «мать» и «отец» на уровне субстандарта выявил большую актуальность образа «отец» по сравнению с образом «мать» как в русском, так и в английском языке [20].

Анализ письменных источников XIX–XX вв. выявляет андроцентризм терминов родства в русском языке, проявляющийся как в количественном преобладании наименований родственников мужского пола, так и связи членов семьи с общим родоначальником, демонстрирующем прямое кровное родство: сын – отец, дед – внук, правнук – прадед и т.д. [21].

В кабардино-черкесском языке находит выражение патронимия, в соответствии с которой лингвистическое оформление получает этнокультурная информация о значении происхождения человека по линии отца. Так, в кабардино-черкесских фамилиях часто находит отражение коннотация «сын отца», объективируемая элементом -къуэ (сын): (Тэрчокъуэ, Къалэжъокъуэ (Тэрч и къуэ (сын Терека), (Къалэжъ и къуэ (сын старого города)). На первый взгляд, кабардино-черкесская культура проявляет андроцентризм на примере отсутствия в языке обозначений подобных фамилий с элементом -пхъу (дочь) и относительным «пренебрежением» ли-

нией матери. При этом интерес представляет выражение «анэдэльхубзэ» (родной язык, язык матери), в основе которого первостепенное значение материнской линии.

Русский язык лингвокультурно проявляет гендерные различия – брат и сестра, при этом на кровное родство – нет (братья и сестры применяются и к двоюродным и троюродным, если используется без уточнения «родной», то различий нет). В кабардино-черкесском языке зафиксирована лингвокультурная информация о значении кровного восхождения к одной и той же матери: анэкьильху (родные братья или сестры) – букв. рожденные (одной) матерью. В русском «родной» эксплицирует связь с родом, т.е. отцом. Патронимия в русском языке проявляется в использовании фамилии отца [9].

В терминологической системе родства русского языка исследователями отмечены такие культурно-специфические характеристики, как разнообразие суффиксальных деривационных форм, в особенности уменьшительно-ласкательных, свойственных для женской и детской речи [22].

Независимо от типа группы, культуры или языка, в каждом сообществе именно мать является «дарителем жизни», и без нее не может быть рожденных детей и следующего поколения [23].

Большой частотой использования в переносном смысле в русском языке отличаются термины «мать», «матушка» в значении родины, России с ассоциативными признаками «давшая жизнь», «самое дорогое» и др.

Как отмечено лексикологами, при употреблении термина в переносном смысле его основное значение остается фундаментом для последующих смысловых модификаций [24].

Английский термин родства «отец» определяется как подразумевающий определенное биологическое родство, однако в реальном случае этот термин может использоваться, когда биологическое родство на самом деле отсутствует [25].

В некоторых языках эквивалент слова «отец» используется не только для обозначения «родителя мужского пола», но и для «брата родителя мужского пола».

Для носителей английского языка терминология родства включает кровнородственные термины отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дядя, тетя, племянник, племянница и двоюродный брат, а термины родства включают свекра, свекровь, зятя, невестку. Некоторые английские термины родства, такие как aunt (тетя) и uncle (дядя), являются одновременно кровнородственными («братья и сестры моих родителей») и аффинальными («супруг брата или сестры моих родителей»), и поэтому считается, что они

определяются дизъюнктивно, в то время как английский термин «cousin» (кузен) не имеет аффинального родственника [26, с. 61].

Вариации в терминологии родства коррелируют с вариациями в социальной организации. Например, раздвоенные, сливающиеся термины «тетя» и «дядя» более распространены в обществах с группами по материнской и/или отцовской линии или другими социальными категориями [17, с. 156].

В кабардино-черкесском языке «дядя», «тетя» – анэдэльху, анэшыхху, адэкьуэш, адэшыхху (брат матери, сестра матери, брат отца, сестра отца), «бабушка» – анэшхуэ (букв. большая мама – старшая), «дедушка» – адэшхуэ (букв. большой папа – старший) (по отношению к родителям как отца, так и матери) (как и в русском и английском языках) – проявляются сходные черты с английской лингвокультурой, в которой также данные термины содержат элемент «большой» (grandmother (бабушка, анэшхуэ), grandfather (дедушка, адэшхуэ), great-grandmother (прабабушка, анэшхуэм и анэ), great-grandfather (прадедушка, адэшхуэм и адэ)).

Французы проводят половое различие между двоюродными братьями, чего не делают англичане и сенека [27, с. 371]. В английском языке термин «cousin» может означать двоюродного брата или сестру. Образование слова «троюродный» требует порядкового номера («cousin» – номер один – first cousin, троюродный брат или сестра – «second cousin», четвероюродный – «third cousin»).

В русском языке словосочетание «приемный ребенок» транслирует культурно сигнификативную информацию о приеме ребенка на воспитание, в то время как в высококонтекстуальной кабардино-черкесской культуре важен факт кровного родства, что лингвистически зафиксировано в термине «мыльхукьуэ (мыльхухху)» (мы – префикс со значением отрицания + льху – корневая морфема со значением рождения + кьуэ (пхьу) – сын (дочь) – буквально, сын (дочь), не родной (ая)).

Сравнительно большее значение кровного родства в кабардино-черкесском обществе, по сравнению с русским и английским языком, проявляется в наиболее детализированной системе родственных отношений, к примеру, в терминах «анэдэльху» (брат матери), «анэшыхху» (сестра матери), «адэкьуэш» (брат отца), «адэшыхху» (сестра матери), в то время как в русской и английской лингвокультурах данные лексические группы объединены терминами «дядя», «uncle», «тетя» и «aunt» без разграничения родственных связей по линии отца и матери.

В некоторых культурах расширение терминов родства имеет социально важное значение – например, разделение дальних родственников на категории, допускающие вступление в брак и не вступающие в брак.

Изучение терминов родства ведет за пределы познания родственных отношений к «фундаментальным структурам человеческого разума» [27, с. 380].

Проведенное исследование выявило этностереотипную специфику терминов родства, а также детерминацию организацией общества принципов их категоризации в кабардино-черкесском, русском и английском языках.

Заключение

Во всех обществах мира существуют термины для обозначения или обращения к разным людям, которые могут быть или не быть родственниками. На основе их терминологической системы составлена глобальная таксономия систем родства.

Л.Г. Морган первым в этой области выделил два термина родства – классификационный и описательный. Позже были предприняты попытки создания и других классификаций. Они объединяют определенных людей в отдельные конкретные категории или разделяют различные типы людей на отдельные категории. Как правило, два или более родственников объединяются под одним и тем же термином, когда между людьми существует сходство статуса. Например, в обществах, где к отцу и брату отца относятся одинаково, для их обозначения используется один термин родства. Такой термин называется классификационным термином. Существуют также общества с системой родства, в которой термины, выражающие кровное родство, отличаются от терминов побочных линий. Таким образом, термины родства классифицируются или описываются.

Антропологи обнаружили, что существует шесть основных моделей или систем наименований родства, используемых почти во всех тысячах культур мира. Их называют эскимосской, гавайской, суданской, омахской, кроу и ирокезской системами.

Проведение данного исследования позволило сделать вывод об особом статусе терминов родства в лексическом пласте языка, их культурном и аксиологическом значении.

Русская терминология проявляет наличие сравнительно ограниченного числа терминов родства, множества обобщенных слов, предпочтение свойства и более точное разграничение

отношений родства по браку по сравнению с родством по крови.

Для терминологической системы родственных отношений русского языка характерна тенденция к упрощению и замене описательными терминами, компонентами которых являются максимально известные и обобщенные слова.

Кабардино-черкесский язык проявляет черты высококонтекстуальной культуры. В кабардино-черкесской лингвокультуре кровное родство является приоритетным, о чем свидетельствует специфика лингвистической фиксации кровнородственных отношений в языке.

Кабардино-черкесский язык транслирует различное отношение к родственникам, отдавая предпочтение предкам перед потомками, близким родственникам перед дальними родственниками и кровным родственникам над родственниками супругов. При этом своеобразие кабардино-черкесской культуры зафиксировано в идиоматическом выражении «Благъэ жыжьэ нэхърэ гъунэгъуфI» (Лучше хороший сосед, чем дальний родственник).

В кабардино-черкесской терминологии культурно различают брата по отношению к мужчине и женщине (къуэш – брат лица мужского пола; дэльху – брат лица женского пола), в то время как термин «сестра» (шыпхъу) универсален для обоих лиц.

Английский язык проецирует культурно сигнификативную информацию о «законных» и дистантных отношениях, возникающих с родственниками супругов при заключении брачного союза: son-in-law, daughter-in-law, brother-in-law, sister-in-law, mother-in-law, father-in-law, «my in-laws» (мои родственники со стороны супруга (супруги)).

В кабардино-черкесском и русском языках разграничения линий родства супруга и супруги представляют культурную значимость по сравнению с английским языком, в котором данные термины не категорируются по указанному принципу: зять – деверь: малъхъэ – пшыкъуэ (brother-in-law); шыкъуадэ – тхъэмадэ (father-in-law); теща – свекровь: шыкъуанэ – гуащэ (mother-in-law) и другие.

Терминология родства русского языка отличается разнообразием деривационных форм с уменьшительно-ласкательной коннотацией, передающей культурную особенность русского народа.

Компаративное изучение терминов родства в разноструктурных языках позволило раскрыть специфику работы национального мышления при объективации окружающего мира, понять национально-культурное своеобразие народов.

Список литературы

1. Deutscher G. Through the language glass: why the world looks different in other languages. New York: Henry Holt and Company, 2010. 320 p.
2. Morgan L. H. System of Consanguinity and Affinity of Human Family. Washington: GPO, 1871.
3. Morgan L.H. Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family M.: Nobel Press, 2021. 654 p.
4. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка (из истории и методологии сравнительного языкознания. Пер. с нем.; Общ. ред. С. Булича. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 152 с. (Лингвистическое наследие XIX века).
5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с франц.; Общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1995. 454 с.
6. Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян: читано в Отделении Русского языка и Словесности 16 января и 8 февраля 1867 г. / Послел. В.К. Журавлева и И.В. Журавлева. Изд. 2-е, стер. репр. изд. М.: УРСС, 2005 (ООО РОХОС). 138 с.
7. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 215 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: репринтное воспроизведение издания 1903–1900 гг., осуществленных под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1–4. М.: Прогресс, Универс, 1994.
9. Багичева Н.В. Лексико-семантическое варьирование существительных, обозначающих термины родства // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994. С. 37–46.
10. Бурыкин А.А., Попов В.А. Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 320 с.
11. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
12. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: Рос. полит. энцикл.: РОССПЭН, 2004. 252 с.
13. Дзибель Г.В. Индоевропейские термины родства, индоевропейские ларингальные и проблема языкового родства // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства: альманах. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 24–32.
14. Казаченко Б.Н. Русское родство: прошлое и настоящее. М.: Флинта: Наука, 2010. 304 с.
15. Николенко О.Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции: на материале речи жителей г. Омска: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 234 с.
16. Сумникова Т.А. Термины родства и свойства в современном русском языке // Русская речь. 1969. № 2. С. 117–122.
17. Murdock G.P. Social Structure. New York: The MacMillan Company, 1949. 387 p.
18. Wierzbicka A. The meaning of kinship terms: A developmental and cross linguistic perspective // Z. Ye (ed.) The Semantics of Nouns. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 19–62.
19. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 325 с.
20. Громова Н.В. Термины родства в субстандартной лексике английского, немецкого и русского языков: функциональный и лингвокультурный аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2021. 173 с.
21. Юян Ц. Лингвокультурологический анализ систем терминов родства в русском и китайском языках // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 149–152.
22. Трошина Н.Н. Номинации родства и их эквиваленты в функции обращения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 310 с.
23. Uberman A., Uberman Z. Selected female kinship terms in Polish, English, and Chinese: a contrastive perspective // Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow. Vol. VI. № 2. 2021. P. 202–254.
24. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.
25. Hughes A.L. Evolution and Human Kinship. Oxford University Press, 1988. 162 p.
26. Read D.W. Kinship Terminology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Second Edition. 2015. P. 61–66.
27. Jones D. Human kinship, from conceptual structure to grammar // Behavioral and Brain Sciences. 2010. 33:5. P. 367–416.

ETHNOCULTURAL LEXICALIZATION OF KINSHIP TIES
IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

E.V. Maremukova

The article is devoted to a comparative study of the specifics of linguistic fixation of ethno-stereotypical information in the terminology of kinship ties in languages with different structures. The study of typical models of stereotyping in different cultures and their manifestation in language contributes to the understanding of significative human knowledge about oneself and one's behavior in society in historical and sociocultural aspects. A comprehensive study of the material of the differently structured Kabardian-Circassian, Russian and English languages using methods of lexical-semantic, structural and linguocultural analysis made it possible to identify examples of the cultural predetermination of linguistic stereotypes, features of the explication of kinship relations that have developed historically, as well as the axiological information assigned to them, which constitute the national and cultural identity of the peoples. The introduction of new language material into scientific use promotes further research in linguoculturology.

Keywords: language, culture, linguoculture, stereotyping, ethno-stereotypical information, kinship terms, linguistic objectification.

References

1. Deutscher G. Through the language glass: why the world looks different in other languages. New York: Henry Holt and Company, 2010. 320 p.
2. Morgan L. H. System of Consanguinity and Affinity of Human Family. Washington: GPO, 1871.
3. Morgan L.H. Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family M.: Nobel Press, 2021. 654 p.
4. Delbruck B. Introduction to language learning (from the history and methodology of comparative linguistics. Translated from German; General ed. by S. Bulich. 2nd ed., ster. M.: Unified URSS, 2003. 152 p. (Linguistic heritage of the XIX century).
5. Benveniste E. Dictionary of Indo-European social terms / Translated from French; General ed. Yu.S. Stepanova, M.: Publishing house of the Progress Group, Univers, 1995. 454 p.
6. Lavrovsky P.A. The fundamental meaning in the names of kinship among the Slavs: read in the Department of Russian Language and Literature on January 16 and February 8, 1867 / Afterword by V.K. Zhuravleva and I.V. Zhuravleva. Ed. 2nd, erased. repr. ed. M.: URSS, 2005 (LLC ROKHOS). 138 p.
7. Trubachev O.N. The history of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of the social system. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 215 p.
8. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: a reprint reproduction of the 1903–1900 edition, edited by Professor I.A. Baudouin de Courtenay. Vol. 1–4. M.: Progress, University, 1994.
9. Bagicheva N.V. Lexico-semantic variation of nouns denoting kinship terms // Functional semantics of the word. Yekaterinburg, 1994. P. 37–46.
10. Burykin A.A., Popov V.A. Russian terminology of kinship and properties: historical dynamics, axiological fields, communicative discourse. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2020. 320 p.
11. Zykova I.V. Methods of constructing a gender in English phraseology. M.: Unified URSS, 2003. 232 p.
12. Kirilina A.V. Gender studies in linguistics and communication theory. M.: Russian Political Science Encyclopedia: ROSSPAN, 2004. 252 p.
13. Dzibel G.V. Indo-European kinship terms, Indo-European laryngeal and the problem of linguistic kinship // Kinship algebra: Kinship. Kinship systems. Systems of kinship terms: alma-nah. Issue. 13. St. Petersburg: MAE RAS, 2012. P. 24–32.
14. Kazachenko B.N. Russian kinship: past and present. M.: Flint: Science, 2010. 304 p.
15. Nikolenko O.Y. Lexico-semantic group of kinship names: functioning, evolution, word-formation potencies: based on the speech of residents of Omsk: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Omsk, 2006. 234 p.
16. Sumnikova T.A. Terms of kinship and properties in modern Russian. 1969. № 2. P. 117–122.
17. Murdock G.P. Social Structure. New York: The MacMillan Company, 1949. 387 p.
18. Wierzbicka A. The meaning of kinship terms: A developmental and cross linguistic perspective // Z. Ye (ed.) The Semantics of Nouns. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 19–62.
19. Kachinskaya I.B. Kinship terms and the linguistic picture of the world (based on the materials of Arkhangelsk dialects): Dissertation of the Candidate of Philology, M., 2011. 325 p.
20. Gromova N.V. Kinship terms in the substandard vocabulary of English, German and Russian languages: functional and linguocultural aspects: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Astrakhan, 2021. 173 p.
21. Yuyang Ts. Linguistic and cultural analysis of kinship term systems in Russian and Chinese languages // Pedagogical education in Russia. 2016. № 12. P. 149–152.
22. Troshina N.N. Kinship nominations and their equivalents in the function of address in modern Russian: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences, M., 1998. 310 p.
23. Uberman A., Uberman Z. Selected female kinship terms in Polish, English, and Chinese: a contrastive perspective // Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow. Vol. VI. № 2. 2021. P. 202–254.
24. Vinogradov V.V. Selected works. Lexicology and lexicography. M., 1977. P. 162–189.
25. Hughes A.L. Evolution and Human Kinship. Oxford University Press, 1988. 162 p.
26. Read D.W. Kinship Terminology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Second Edition. 2015. P. 61–66.
27. Jones D. Human kinship, from conceptual structure to grammar // Behavioral and Brain Sciences. 2010. 33:5. P. 367–416.